

ВРАГ У ВОРОТ

ФАНТАСТИКА

БЛИЖНЕГО

БОЯ

ГЛЕБ БОБРОВ

**ЭПОХА
МЕРТВОРОЖДЕННЫХ**

УКРАИНА В КРОВИ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Б72

Бобров, Глеб Леонидович.

Б72 Эпоха мертворожденных. Украина в крови / Глеб Бобров. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя).

ISBN 978-5-699-80985-1

Эту книгу не зря величают пророческой. Этот бестселлер, впервые опубликованный еще 8 лет назад, с поразительной точностью предсказал нынешнюю войну на Украине, зверства киевских карателей и героическое сопротивление Новороссии — так что язык не поворачивается назвать роман «фантастическим». Это больше, чем просто фантастика. Глеб Бобров, сам бывший «афганец», знает изнанку войны не понаслышке. Только ветеран и мог написать такую книгу — настолько мощно и достоверно, с такими подробностями боевой работы и диверсионной борьбы, с таким натурализмом и полным погружением в кровавый кошмар бандеровского геноцида.

И не обольщайтесь. Этот роман — не об Украине. Пришествие «эпохи мертворожденных» грозит всем нам. После Новороссии на очереди — Россия. «Поэтому не спрашивай, по ком звонит колокол, — он звонит по тебе».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

© Бобров Г. Л., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
ISBN 978-5-699-80985-1 © ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Протезы придуманы для того, чтобы вы,
двуногие — могли смотреть нам в глаза.

Павел Андреев

ГЛАВА I

Изварино

Ночью прошел дождь. Фронт тумана, заворачиваясь в рваные седые космы и покрывая траву новым слоем водяного бисера, весело стелился над самой землей. Резвое осеннее солнышко старалось на совесть, но утренняя ознобистая прохлада, подгоняемая порывистым крученым ветерком, все еще боролась с нарождающимся днем.

Центральная опора таможенного разделителя, превращенная ныне в импровизированный флагшток, пьяным органом гудела всеми своими трубами; отяжелевшие флаги, мокро хлопая бахромистыми краями, вновь схлестнулись врукопашную.

Зажатый с двух сторон жовто-блакитный стяг Центрально-Украинской Республики с непропорционально большими «вилами»¹, намалеванными от руки в верхнем правом углу, отбиваясь на два фронта, попеременно хлестал своих соседей. Жиденький нейлон, висевшая лохмотьями кустарная прострочка и стиснутое стратегическое положение не оставляли новичку никаких шансов на решительное сопротивление или, хотя бы, на достойную сдачу.

¹ «В и л ы» — презрительное наименование Трезубца — герба Украины. Термин вошел в употребление с началом Размежевания.

Бело-красное полотнище польского контингента Сил Оперативного Развертывания Евросоюза упрямо и монотонно било слева направо по своим соседям, временами пытаясь опутать и потушить собой портянку ЦУРа. Добротный сетчатый полиэстер давал ощутимое преимущество в скорости и резкости удара, а широкий, еще не сильно обтрепанный кант и большая, по сравнению с ближайшим соседом, длина позволяли рассчитывать если не на удачный захват, то, как минимум, на серьезный контроль ситуации.

Роскошный российский триколор долго не ввязывался в разыгравшуюся баталию. Свисая на полметра ниже остальных своим тяжелым, за ночь и туманное утро налитым влагой шелком, он поначалу, надувая парусом многослойное тело, неодобрительно отталкивал расшалившихся соседей да иногда нехотя отпускал тяжелые оплеухи особо ретивым.

Когда же польский и ЦУРовский двухцветники разошлись не на шутку и, ускорившись под порывами ветра, яростно забились, закручивая друг друга в жгуты, триколор тоже ожил. Медленно встав на крыло и развернувшись во всю ширь, он, выгнувшись дугой, поплыл, наращивая скорость, по воздуху и, разогнавшись, словно кнут, с оглушительным треском припечатав оба флага к трубам, залип в этом положении, обернувшись вокруг флагштока и похоронив под собою обоих смутьянов.

Опора гулко вздрогнула, и в наступившей тишине мелькнули лишь брызги да прыснувшие вниз желто-голубые лоскуты.

* * *

Человек, стоя кутивший у колючей проволоки, при всем желании не смог бы оценить весь драматизм развернувшейся битвы — из сектора специзолятора Изваринского фильтрационного лагеря территория таможни не просматривалась. За-

хватив площади бывшей санитарной зоны, разрастаясь, лагерь своими палаточными секторами и внутренним периметром специзолятора — всем брюхом — влез еще и на пепельно-дымчатую породу гаревого поля, оставшегося от некогда раскатанного бульдозерами шахтного террикона.

Да и рассматривать там особо, по большому счету, нечего. Единственное, что свидетельствовало об измененном статусе таможни, так это два бронетранспортера, стоящих друг напротив друга за шахматной змейкой бетонных блоков у разрушенного шлагбаума на въезде: БТР¹, упершийся вдаль стволом «КПВТ»², — с российской стороны да образцово вылизанная «АМВешка»³ польского контингента СОР ЕС⁴, месяца два как организовавшего свой пост со стороны подконтрольной мандату миротворцев территории никем не признанной Восточной Малороссии.

Накинув на камуфляжную футболку потертый, но чистый солдатский бушлат, мужчина наслаждался утренней свежестью, сбивал пепел сигареты о колючку и, исподволь, следил за приближающимся рядом. Шли за ним. Капитан с петлицами внутренних войск на полевой форме, четверо вооруженных солдат в линиялом х/б и один сержант-сверхсрочник — с красной повязкой на рукаве да оттянувшей ремень тяжелой кобурой. Выкинув сигарету, аре-

¹ БТР — сокращение от «бронетранспортер», общее наименование семейства колесных боевых машин, состоявших на вооружении СССР, а также постсоветских республик и стран бывшего Варшавского договора. Сленговые наименования — «бэтээр», «коробочка», «броня».

² «КПВТ» — крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый, кал. 14,5 мм.

³ «АМВешка» (от аббревиатуры АМВ) — модульный бронетранспортер, состоявший на вооружении некоторых стран блока НАТО, в т.ч. Польши.

⁴ СОР — Силы Оперативного Развертывания Евросоюза. Реально свои контингенты отправили только часть государств — вновь принятых членов ЕС Восточной Европы.

стант надел бушлат в рукава, застегнул несколько пуговиц и спокойно подошел ко входу в палатку, как раз напротив двери шлюза.

— Кирилл Аркадьевич Деркулов... — сверяясь глазами с прищипленным на планшечку бланком, раздельно произнес капитан. Голос ровен и без эмоций, по тону совершенно нельзя понять — спрашивает он или утверждает. Тем паче, что вопрос был чистой проформой — в сценизоляторе, в отличие от самого лагеря, содержался единственный задержанный, которого вот уже почти неделю, два раза в день, как на работу, наряд доставлял в один из вагончиков бывшей таможни и таким же порядком сопровождал обратно.

— Так точно! — негромко, но уверенно ответил мужчина.

— Следуйте за нами. Руки за спину. Ни с кем не разговаривать. Выполнять распоряжения наряда безоговорочно... — В голосе офицера по-прежнему привычно отсутствовали какие-либо интонации, хотя глаза его выражали скорее симпатию, нежели безучастность.

Окончив регламентированный катехизис, наряд выстроился и, словно в цирке, двинулся по арке проволочного коридора сквозь лагерь. Впереди шел сержант и двое солдат. За ними Деркулов. Сзади его подпирали остальные бойцы. Замыкал процессию капитан с железными нервами.

Обитатели Изваринской «фильки» давно вышли из палаток и с интересом наблюдали за привычным эскортом. Во всем этом присутствовал, естественно, какой-то элемент игры, борьбы с праздностью, но было еще и нечто иное.

Во всех секторах нашлись люди, вплотную подошедшие к проволоке ограждения своих зон. Все они выглядели ощутимо более заинтересованными происходящим, чем те, кто просто созерцал разбавляющий лагерную скуку спектакль. Даже их внешний вид и, что еще важнее, некая неосозаемая отмети-

на — неуловимое во взгляде, повадках, вообще в том, как они себя держали, заметно отличали их от большинства.

Тридцать метров от конвоя до внутренней колочки внезапно перекрыл растянутый рык:

— Равняйся! Смирно! Равнение — на комбата!

Народ подтянулся. Те, кто в головных уборах, — отдали честь. Остальные тоже как-то, но отреагировали — кто сигарету изо рта вынул да опустил, кто разговор прервал, кто просто голову повернул. Во всяком случае, все смотрели на идущих.

Деркулов глянул и, благодарно прикрыв на мгновение глаза, коротко кивнул.

Где-то в самом центре палаточного городка чистый сильный голос затынул:

Ще не вмэрла эта сцукo — зрада, и подляна...

Мелодия «Гимна Нэпокоры»¹ полностью совпадала с музыкой Гимна Украины и ее законной правопреемницы — Центрально-Украинской Республики, а вот вариантов глумливого перефразиса существовало бесчисленное количество. Тот, что звучал сейчас, например, — откровенно изобиловал непристойностями.

Начальник караула с не проявленным внешне удовольствием прослушал первый куплет и на припеве, потушив глаза, почти дружески попросил:

— Кирилл Аркадьевич! Уймите народ!

Сдержанно улыбнувшись под ноги, Деркулов оторвал руку из-за спины, растопырил расслабленную ладонь и, словно проведя по воображаемой крышке стола, погладил воздух.

¹ «Гімн Непокори» (укр.) — Гимн Неповиновения. Появился вскоре после начала вооруженного противостояния Восточной Конфедерации и Центрально-Украинской Республики. Впервые был анонимно опубликован в Интернете. Авторство — неизвестно.

Пока песня каскадами затухала, капитан имел возможность насладиться разухабистым содержанием второго куплета.

* * *

В вагончике тепло, светло и даже как-то уютно, невзирая на лаконичное убранство: Т-образный совдеповский стол под добротным желтым лаком, несколько деревянных стульев явно гарнитурного происхождения, приспособленный под чайный столик кургузый сейф, напоминавший Деркулову почему-то задницу бегемота, да масляный радиатор в углу. Все дело, скорее всего, было в столь узнаваемых кухонных обоях в мелкий сиренево-розовый цветочек и в откровенных до примитива занавесочках в такой же ситец-пеструшку. Даже отсвечивающий благородным титаном ноутбук на столе и присутствие двух полковников с грозными знаками военной прокуратуры не могли заглушить неистребимого бабского обустройства, оставшегося от прежних хозяев походного кабинета.

Вне всяких сомнений, только что закончился непростой разговор. Сравнительно молодой, демонстративно вышколенный и выскобленный до свинцового блеска, статный полковник стоял у стола. Нажав пару клавиш, он коротким движением закрыл крышку компьютера, переложил пластиковую раскладушку с бумагами в сейф, закрыл его на ключ и, сняв с гвоздя фуражку, вышел на улицу. Зажатый в трубу взгляд, рапирой прошедший сквозь Деркулова, и отчетливый нервный румянец на скулах красноречиво свидетельствовали о сложной внутрикорпоративной жизни военной прокуратуры.

— Садись ближе, Кирилл Аркадьевич... — густым низким голосом сказал второй. — Чайку поьем, разговоры разговаривать будем. Глядишь, до чего путного и договоримся.

Деркулов, подвинув стул, сел напротив приоткрытого окна через столешницу от стула полковника. Тот же, встав, готовил чай — охотничьим перочинником откромсал от лимона две такие дольки, что лимон укоротился ровнехонько до половины, кинул по два пакета чая и по десертной ложке сахара, залил оба стакана кипятком и, поставив их в алюминиевые, чуть ли не железнодорожные подстаканники, вернулся на свое место.

— Как у тебя с сигаретами? — спросил прокурор, подвигая пепельницу и закуривая сам.

— Спасибо, пока есть.

— Ну, на тогда, чтоб не «пока»... — Через стол плавно переехал блок «Князя Владимира».

«Курево покрутелo вдвое!» — отметил про себя Деркулов и, переложив подарок на боковую столешницу, полез в бушлат за своей пачкой.

Полковник, внимательно изучая кончик лезвия не убранного сразу складника, исподволь поглядывал на своего подопечного. Деркулов, прихлебывая чай, старательно пялился в окно, за которым с интервалом в полминуты методично проплывал прижнутый штык-нож караульного.

По-хорошему они походили на два платяных шкафа или несгораемых сейфа, поставленных через казенный стол друг напротив друга. Разных во всем, но одинаково громоздких, тяжелых, с плотно закрытыми дверцами и запертыми на секретные замки ящиками своего нутра. И обоим край как требовался доступ к содержимому другого. Ну, это если — по сути. Внешне они, конечно же, различались весьма существенно.

Если Деркулов выглядел мужиком, которому под полтинник или около того, то полковнику Нагубнову можно было смело дать все крепкие шестьдесят. Но тут был совсем не тот возраст, когда начинаются мысли о тяге к земле, той, к которой пора привыкать, и о банальном геморрое. При своих почти метр девяносто да полтора центнера литого чугу-

ном веса, он совсем не казался тучным и пожилым. Напротив!

Деркулов, уступавший ему всего каких-то полголовы да пару пудов, ощутимо чувствовал кожей присутствие рядом с собой реальной опасности. Не с точки зрения окончательного вердикта и дальнейших поворотов своей судьбы, а конкретной неосязаемой интуитивной угрозы зверя, залегшего рядом. Как ощущение взгляда снайпера меж лопаток, как уверенное чувство заминированной тропы среди руин, как подгоняющее дыхание сидящего на хвосте спецназа. И именно поэтому Деркулов ему — не верил.

— Павел Андреевич! А ножичек-то у вас пендостанский!¹... — иронично прервал затянувшееся молчание Деркулов. — Не патриотично как-то получается.

— Да... — хитро улыбаясь во весь сияющий фарфором ряд, ответил он. — Говорили мне. Вот из-за него, наверное, все никак на повышение не иду. Все мои однокашники давно уж как в лампасах выпендриваются. Один я по просторам старой Родины кукую. Да, знаешь, расставаться — жаль. Считаю, двадцать лет, как подарили — прирос ко мне.

Со смачным щелчком курносый клинок юркнул в латунно-деревянный гробик рукояти и, сразу потерявшись в широкой лапе, привычно утонул в кармане.

— У меня тоже один был — любитель этого дела. Этот бы оценил по-взрослому.

— Был — говоришь... Ну, дык — о былом. У меня, Кирилл Аркадьевич, вот какое дело сегодня вырисовалось к тебе. Говорим мы с тобой почти неделю, а договориться толком не можем. Нет, нет! — отмах-

¹ «Пендостан, Пендосия, пендосы» (*жарг.*) — презрительное наименование США и американцев, распространенное в среде русскоязычной т.н. «патриотически настроенной» части населения постсоветских республик.

нулся он от удивленного взгляда и поднятых бровей... — То, что ты готов сотрудничать с Главной военной прокуратурой Российской Федерации и изложить все свои воинские подвиги, как ты сам говоришь, «в любой форме», вне всякого сомнения — хорошо. Но... Ты меня прости, Деркулов... — Он, немного изменив угол корпуса, тут же навис над столом... — Только я, хоть убей меня саперной лопаткой в лоб, не приму в толк, какого ляда тебе понадобилось заявлять о согласии на этапирование в Нюрнберг? На ненавистную тебе Европу захотелось взглянуть или лавры Милошевича глаза застили?

— Павел Андреевич! Ну к чему этот разговор?! Свою позицию я и вам и Анатолию Сергеевичу изложил раза по три. Добавить свыше — просто нечего. Мне что — вам теперь отвечать: «Ничего теперь говорить не буду, начальник»? Так, что ли? Или — как?

Нагубнов уже отвалился на свой стул. Что-то его реально беспокоило, но что именно — понять было невозможно. Явно, что источником раздражения служил вовсе не Деркулов.

— Ты не колотись. Показания, ясное дело, дашь — все, никуда не денешься... — причем в последних словах явно сквозанула неприкрытая угроза. — Дело в другом... — За пару глотков добив свой стакан, полковник что-то досчитал в уме и, видимо, приняв какое-то определенное решение, сказал: — Пришел официальный запрос. До завтрашнего утра ответ должен уйти отправителю. Детали этой казуистики тебе Анатолий расскажет. Вопрос тут простой: либо ты подписываешь свое согласие предстать перед Трибуналом, либо — нет. Если подпишешь, то обратного хода... — он хищно улыбнулся. — Я имею в виду — цивилизованного, сам понимаешь, — назад уже не будет. Не подпишешь, может, и порешаем чего... по-семейному.

— А смысл? Отпустите меня, что ли? — насмешливо спросил Деркулов.

— Да ну, понятно! Куда ж тебя, сердешного, отпускать. Только ты не лыбься — я еще не закончил. Кроме Трибунала тебя жаждут заполучить еще пяток государств. Причем хотят, как тебе известно, весьма конкретно. Реально хотят... Повесить, наверное... Причем не факт, что за шею! И как оно пойдет на этапе — никому не известно. И ЦУР, и Польша, и чехи с прибалтами имеют все юридические основания судить тебя, не особо оглядываясь на гуманитарное право. И меж собой они договорятся быстрее, чем мы с тобой, — тут можешь не сомневаться.

— Ну, и чего вы хотите? Не подписывать?

— Да вот — думаю... — он уперся тяжелым взглядом в собеседника. — Это, прямо говоря, от тебя зависит. Насколько ты действительно готов... выступить в этот поход... — Он опять нарос над столом. — Говорю тебе, Деркулов, то, чего говорить не должен. Считаю за подарок. Нам ты, по большому счету, даром не нужен. От тебя — только проблемы. Тем паче после твоей озвученной в СМИ добровольной сдачи. Ты пачкаешь все, что находится рядом с тобой. Ты — чума! Понимаешь?

— Да как-то, Пал Андреич, и не отрицаю... — взгляд мужика ощутимо стал тяжелым.

— Так вот, я еще раз тебя прямо спрашиваю... — полковник приблизился. — Ты — готов?

— Да. Я от своего не отказываюсь. Пойду до конца.

— Угу! И посадишь на сраку Нюрнбергский трибунал...

— Крови попою как минимум.

— Если доедешь! — Полковник встал, развернулся к сейфу и включил чайник. Вероятно, он внутренне принял какое-то решение и сейчас лишь делал в голове последнюю доводку... — Международный уголовный трибунал по военным преступлениям, геноциду и преступлениям против человечности... — с расстановкой, как бы взвешивая, оценивая произносимые слова отдельно и на вес, и на вкус, Нагубнов дернул бровями... — Ты знаешь, Кирилл Аркадьевич,

может не получиться — ни подраться, ни кровушки напиться. Ты думал о таком раскладе?

— У сербов получилось. Почему у нас не может?

— Дык, Запад тоже учится. И что такое твое — «получилось»? Нет Гааги — есть Нюрнберг! Какая, в ляд, разница? Только во сто крат хуже звучит. Ты же теперь... — вдруг улыбнулся он, — еще и фашист, считай!

Налив по чаю и окончательно разделавшись с лимоном, он, усевшись на место, сказал:

— Ладно. Подписывай. У нас есть месяц, потом будем посмотреть, что с тобой дальше делать. Тянуть все равно больше нельзя. Мы же тем временем запишем все, сверим, проверим. Похождения твои по-хорошему на год работы потянули бы... — И, набрав телефонный номер, не меняя голоса, с шутливым наездом сказал в трубу: — Анатолий Сергеевич, дорогой! Ты где ходишь-то? Заждались тебя!

С формальностями покончили минут за пятнадцать. Еще час заняло ожидание и общение с прибывшими представителями фельдъегерской службы Миссии Международных Наблюдателей. Деркулов вновь поставил с десятков подписей и заполнил несколько формуляров.

Всю официальную часть, не проронив ни слова, Павел Андреевич, обстоятельно рассевшись, словно на скамье римского форума, внимательно наблюдал за происходящим.

Анатолий Сергеевич Разжогин, напротив, был деятелен, быстр и безупречен в организации служебных процессов. Как выяснилось, он еще неплохо владел английским. Во всяком случае, переводчик ему не понадобился ни разу. Он же по окончании процедур оформления и сдачи документов курьерам сразу, лишь по одному кивку головы шефа, начал установку аппаратуры — штативов видеокамеры и света. При всей расторопности и четкости, в нем